

Anastasia MURSALOVA A brief history of student symphony orchestras at the St. Petersburg Conservatory

Анастасия МУРСАЛОВА Из истории симфонических оркестров Петербургской консерватории

...С раннего утра до позднего вечера в консерватории звучит симфоническая музыка. В Малом зале идут занятия студентов-дирижеров с «верхним», чуть позже начинаются репетиции «нижнего» в Оперной студии, днем в фойе театра занимается оркестр студентов, а вечером, пока в Большом зале идет спектакль, в Малом может выступать Камерный оркестр. Такая насыщенная оркестровая жизнь — результат усилий десятков выдающихся музыкантов, начиная с основателя консерватории Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894).

Образование оркестрового класса

«Консерватории суть высшие специальные музыкально-учебные учреждения, имеющие целью образовать оркестровых исполнителей, виртуозов на инструментах, концертных певцов, драматических и оперных артистов, капельмейстеров, композиторов и учителей музыки», — гласит Устав консерватории, а в списке преподаваемых «художественных» предметов прежде всего обозначается «игра на инструментах, входящих в состав оркестра» [68, с. 5]. Но организация оркестра из учени-

The article elucidates the main stages of history of the student symphony orchestras at the St. Petersburg Conservatory.

Keywords: St. Petersburg Conservatory, student symphony orchestra, conductors, Anton Rubinstein, Nikolay Zarembo, Mikhail Azanchevsky, Nikolay Rimsky-Korsakov, Karl Davydov, Alexander Glazunov, Nikolay Galkin, Nikolay Tcherpnin, Nikolay Malko, Samuil Samosud, Ilya Musin, Nikolay Rabinovich, Mikhail Golikov.

В статье прослеживаются основные этапы истории симфонических оркестров консерватории.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская консерватория, оркестр студентов, дирижеры, А. Г. Рубинштейн, Н. И. Заремба, М. П. Азанчевский, Н. А. Римский-Корсаков, К. Ю. Давыдов, А. К. Глазунов, Н. В. Галкин, Н. Н. Черепнин, Н. А. Малько, С. А. Самосуд, И. А. Мусин, Н. С. Рабинович, М. С. Голиков.

ков, одно из «заветнейших и нетерпеливейших» желаний А. Г. Рубинштейна [23, с. 287], далась не сразу: Музыкальные классы Михайловского дворца привлекали по большей части пианистов, скрипачей и певцов. Тогда Рубинштейн лично пожертвовал крупную сумму на бесплатное обучение игре на оркестровых инструментах — и ученики появились. Первое упоминание об оркестровом классе консерватории относится к третьему году ее существования: в отчете о деятельности консерватории за 1864/65 год говорится о том, что «классы специальных предметов посещались весьма удовлетворительно, но классы обязательные, как, например: класс фортепиано, теории, оркестровый... посещались не вполне аккуратно» [49, с. 2]. Тем примечательнее усердие П. И. Чайковского, изучавшего в консерватории «музыкальное сочинение»: в учебном оркестре он играл партию второй флейты¹ и в течение двух лет занимался в классе профессора Ц. И. Чиарди.

Самое раннее свидетельство о выступлении ученического оркестра связано с оперой. В мае 1867 года состоялось первое в истории консерватории «оперное упражнение»: силами учащихся под управлением Рубинштейна в театре Михайловского дворца был исполнен

¹ Партию первой флейты исполнял сын знаменитого балетного композитора Цезаря Пуни.

«Орфей» Глюка. В том же году закончился первый этап директорства Рубинштейна, но развитие оркестрового дела продолжалось.

Деятельность Николая Ивановича Зарембы (1821–1879) на посту директора была связана с дальнейшим упорядочиванием учебного процесса молодого вуза. В частности, при Зарембе были установлены «комплекты учащихся» по разным предметам, благодаря чему сохранились списки студентов по каждой специальности и по обязательным дисциплинам. Именно тогда оркестровый класс официально вошел в число обязательных предметов, чему немало способствовала Великая княгиня Елена Павловна с ее идеей создания российской оркестровой школы. «Устройство при консерватории класса Оркестровой игры и образование способных оркестровых музыкантов должно считать делом государственной пользы, так как до сих пор наши оркестры как императорских, так и большей части провинциальных театров, состоят по преимуществу из музыкантов, приглашенных из-за границы, которым производится значительное жалование и назначаются пенсии. Деньги эти теперь переводятся за границу; с появлением же своих, русских музыкантов, суммы, расходуемые на их вознаграждение, будут оставаться в России», — писала Елена Павловна директору консерватории в 1869 году².

Первые достоверные сведения о составе оркестрового класса консерватории относятся к 1870 году. Оркестр включал 42 ученика (ровно половина оркестрового отдела), причем партия первых скрипок состояла исключительно из учеников класса Л. С. Ауэра. Среди них первым номером числился Николай Галкин, которому впоследствии суждено было внести значительный вклад в развитие симфонических оркестров Петербургской консерватории. В оркестр входили также ученики знаменитого контрабасиста и знатока итальянской музыки профессора И. О. Ферреро, флейтисты из класса профессора Ц. И. Чиарди, ученики профессоров В. А. Шуберта (гобой), Ф. Х. Гомилиуса (валторна), В. В. Вурма (труба). В группе труб играл Август Иогансен, впоследствии известный нотоиздатель. Ученики К. Ю. Давыдова, с именем которого связан расцвет консерваторского оркестра дореволюционного периода, почти полностью составляли группу виолончелей. Среди них был и Ливерий Саккетти — будущий профессор консерватории, автор одного из первых русскоязычных трудов по всеобщей истории музыки.

Студенческим оркестром руководил сам Заремба. Метод его работы иронично описывал А. П. Бородин: «...Система Зарембы была убийственная. Он держал оркестр по полугоду на одной какой-нибудь скучнейшей

симфонии Гайдна и заставлял играть сначала, например, одни скрипки, потом одни флейты... и т. д., другие в это время молчат и слушают, как Заремба считает пустые такты. При исполнении же всеми разом происходила невероятная каша, так как Заремба постоянно терялся в партитуре и останавливал оркестр; ученики школьничали и, пользуясь тем, что Заремба ничего не в состоянии разобрать, перевернут ноты вверх ногами и играют сзади наперед» [52, с. 294]. Возможно, столь критичная оценка Зарембы-дирижера была связана с обострением отношений Балакирева с представителями РМО. Заремба как воплощение ограниченного консерватизма в эти годы был излюбленной мишенью для нападок кучкистов³.

При Зарембе были учреждены «состязательные вечера» — регулярные концерты (в год устраивалось до двадцати вечеров) с целью поощрения прилежных учеников, ознакомления публики с методами и результатами консерваторского преподавания и для приучения учащихся к публичным выступлениям. Иногда в этих вечерах принимал участие и оркестр студентов. В 1870/71 учебном году четыре публичных вечера завершались оркестровыми пьесами, причем в качестве дирижеров выступали студенты класса свободного сочинения профессора Зарембы⁴.

Оркестр М. П. Азанчевского

В 1871 году директором консерватории стал председатель Петербургского отделения РМО Михаил Павлович Азанчевский (1839–1881). Симфонические собрания РМО в это время в Петербурге проходили с участием профессионального оркестра Мариинского театра — при такой конкуренции ученический оркестр еще не мог выступать публично. Зато широкий резонанс получила идея Азанчевского собрать оркестр из профессоров и бывших учеников. Это был первый концертный оркестр консерватории, причем в печати его и вовсе называли первым консерваторским оркестром. «До настоящего времени наша консерватория своего оркестра не имела, — пишет в ноябрьском выпуске „Санкт-Петербургских ведомостей“ Ц. А. Кюи. — Цель этого оркестра — давать концерты, прибыль с которых будет распределяться поровну между его членами» [11]. Для концертов оркестра был даже открыт абонемент. Воспоминания А. И. Рубца об этом начинании имеют скептический оттенок: «М. П. Азанчевский старался всячески выделить и прославить... консерваторию потому и придумал устроить в консерватории [...] собственный

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 361. Оп. 11. Д. 38. Л. 1 [Цит. по: 1, с. 159].

³ Н. А. Римский-Корсаков писал: «...Заремба держал своих учеников на Глюке, Моцарте, Керубини, Мендельсоне, а я направлял их на Бетховена, Шумана и Глинку, что было современнее и более им по душе» [57, с. 94], Мусоргский называл Зарембу «сапожником в схоластическом колпаке» [45, с. 62]. Художественным воплощением отношения балакиревцев к директору консерватории стала карикатура Зарембы в музыкальном памфлете Мусоргского «Раек» (1870).

⁴ Ученическим спектаклем 15 мая 1870 года, на котором были исполнены отрывки из опер Глинки, дирижировал ученик Зарембы Карл Зике.

оркестр. [...] Михаил Павлович был слаб ногами, но он захотел первый выступить в оркестре, несмотря на то, что его многие отговаривали от этого, так как он долгое время не мог стоять на одном месте. Концерт не удался по постановке, потому что Азан[чевский] был не опытен в дирижировке. После первой, плохо продирижированной пьесы, он так ослабел, что попросил, чтобы кто-нибудь докончил программу концерта. [...] Этим неудавшимся концертом и ограничилась вся деятельность М. П. Азанчевского»⁵.

Совсем иначе дело нового директора консерватории выглядит в рецензии Лароша на первый концерт «оркестра консерватории». Несмотря на то, что «профессоры и ученики разных выпусков здесь в первый раз сплотились в единую оркестровую массу» [13], автор весьма одобрительно отозвался об исполнении Симфонии g-moll Моцарта и увертюры Вебера к «Эврианте», обратив особое внимание на темпы Азанчевского: «...они медленнее, но вернее тех, которые преобладают у дирижеров новейшей (листовской) школы, и в этой разнице видна здравая, истинная традиция нового дирижера» [13]. Кроме того, Ларош отмечает, что именно Азанчевскому принадлежит «счастливая мысль» исполнять отдельные части бетховенских квартетов струнным оркестром в просветительских целях, «что особенно важно в России, где публика так мало любит камерную музыку вследствие ее острого, тонкого и сухого звука» [13]. Судя по сохранившимся сведениям, оркестр просуществовал только один сезон.

Н. А. Римский-Корсаков — руководитель оркестрового класса

С приходом Азанчевского обновился и профессорский состав вуза. В частности, преподавать инструментовку и оркестровый класс был приглашен Н. А. Римский-Корсаков (1844–1908). Сам композитор вспоминал об этом эпизоде своей биографии: «Очевидно, мыслью Азанчевского было освежить заплесневевшее при Зарембе руководство этими предметами приглашением в лице моем молодой силы. [...] О дирижерском деле я, никогда в жизни не дирижировавший оркестром [...], конечно, не имел понятия» [56, с. 92].

Молодому руководителю удалось оправдать надежды Азанчевского и оживить оркестровый класс. Бородин так описывал работу начинающего дирижера: «...Корсаков заставлял учеников играть *a livre ouvert*⁶, всем оркестром, как это делается и на самом деле. Выбор пьес — разумный и интересный, — т.е. берутся пьесы из репертуара, который должен быть обиходом каждого оркестрового музыканта» [52, с. 294]. С первых же

репетиций в работе были «Кориолан», Первая и Вторая симфонии Бетховена, музыка к «Князю Холмскому» Глинки. На второй год работы ученические вечера уже шли при участии оркестра под руководством Римского-Корсакова. Однако вскоре оркестр стал привлекаться для исполнения аккомпанементов во время выступлений солистов, так что «профессора, например, Лешетицкий или Ауэр, сами желали дирижировать аккомпанементы к сольным пьесам своих учеников и т.о. втирались в оркестровый класс» [56, с. 94]. Оперные спектакли шли под управлением Азанчевского или Ферреро. По-видимому, самолюбие молодого Римского-Корсакова было задето: «Все это меня стало стеснять и угнетать, и через 4 года я отказался от оркестрового класса» [Там же].

«Симфонические упражнения» К. Ю. Давыдова

Карл Юльевич Давыдов (1838–1889), один из первых профессоров, а затем и директор (1876–1887) консерватории, был известен прежде всего как блестящий концертирующий виолончелист, глава русской виолончельной школы. В то же время, в течение десяти лет Давыдов руководил ученическим оркестром. Именно ему оркестровый класс обязан своим первым подъемом. (Пожалуй, только в середине XX века за пультом оркестра студентов окажется такой же деятельный и последовательный руководитель в лице Н. С. Рабиновича). По аналогии с «оперными упражнениями», Давыдов учредил «симфонические упражнения» — впервые оркестр начал готовить собственные концерты. Точкой отсчета новой традиции стал 1876 год: «в этом году в первый раз ученики консерватории дали в пользу своих недостаточных товарищей 3 симфонических концерта, в которых исполнителями были исключительно ученики консерватории» [50, с. 11]. Давыдов руководил и хоровым классом, что позволило исполнять на симфонических собраниях произведения кантатно-ораториального жанра. Так, уже в течение первого года деятельности Давыдова были исполнены «Вальпургиева ночь» Мендельсона и «Рай и Пери» Шумана. Обращает внимание простота и целесообразность постановки «хорового дела» в это время — хоровой класс посещали «все взрослые ученики и ученицы, имеющие достаточный голос, исключая учеников, входящих в состав оркестра» [Там же].

Ежегодно устраивалось три «симфонических упражнения», причем помимо художественных и учебных, они преследовали и благотворительные цели — средства от концертов направлялись в пользу Общества для вспомоществования учащихся в Санкт-Петербургской консерватории⁷. Первое симфоническое собрание учеников состоялось 25 ноября 1876 года. Были исполнены

⁵ Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки (далее — ГЦММК). Ф. 143. Ед. хр. 14. Л. 1–1 об. [Цит. по: 1, с. 173].

⁶ С листа (фр.).

⁷ В 1890-е годы — в пользу Фонда на постановку статуи Рубинштейна, открытие которой 14 ноября 1902 г. ознаменовалось грандиозным концертом, объединившим силы Петербургской и Московской консерваторий под управлением директора последней В. И. Сафонова.

Пятая симфония Бетховена и увертюра к опере Глинки «Руслан и Людмила» — достойное начало для консерваторского коллектива.

Организаторские и исполнительские заслуги Давыдова в деле консерваторского оркестра вызвали бурю восторженных отзывов среди современников. Среди произведений, исполненных за сезон 1880/81, — три симфонии Моцарта (Es-dur, g-moll, C-dur), Увертюра к «Жизни за царя», «Арагонская хота» и Антракт из музыки к «Князю Холмскому» Глинки, Увертюра к «Оберону» Вебера. Среди прочего, критики отмечали «соблюдение надлежащих оттенков и темпов» в интерпретации Моцарта [9], качественное исполнение аккомпанементов в произведениях с участием солистов [4], а также «рвение», с каким юные оркестранты отдавались своему делу под руководством Давыдова [5]. По словам рецензента газеты «Голос», «этот оркестр... доказал, как серьезно поставлено дело оркестрового класса в консерватории» [9].

Критиками отмечались интересно и разнообразно составленные программы «симфонических упражнений»: концерт обычно открывался одной из классических симфоний, после которой шли выступления солистов с ариями из опер, частями концертов Бетховена, Шумана, Брамса. Завершались «симфонические упражнения» оркестровыми пьесами — увертюрами Бетховена, Вебера, Мендельсона, произведениями Глинки и Даргомыжского. Только при Давыдове петербургская общественность узнала о существовании студенческого оркестра, так что не единожды Давыдова ошибочно называли его создателем. «Оркестровый класс существует в консерватории недавно и обязан своим происхождением инициативе г. Давыдова, под управлением которого и находится со времени образования», — сообщает «Воскресный листок музыки и объявлений» [3]. В том же духе пишет рецензент «Нувеллиста»: «Не знаем, существовали ли подобные упражнения при прежних директорах, но прежде не было оркестрового класса, благодаря которому ученики могут... с толком приготавливаться к своей будущей деятельности... Этот класс своим происхождением и процветанием обязан инициативе и заботливости г. Давыдова» [48].

Как писал Ларош, в дирижерских интерпретациях Давыдова, с большой любовью управлявшего оркестром, «встречались прекрасные поэтические подробности», но из-за «робости характера» не ощущался «фельдмаршальский жезл» [22, с. 138]. В то же время, композитор Язепс Витолс⁸, которого определили в оркестр альтистом, вспоминал, что «репетиции проходили при строжайшей дисциплине» [24, с. 25], а Михаил Ипполитов-Иванов, исполнявший партию контрабаса, называл время занятий в оркестровом классе Давыдова «счастливым эпизодом своей консерваторской жизни» [67, с. 42].

Возвращение А. Г. Рубинштейна

В начале 1887 года Давыдов, прослужив в консерватории четверть века, оставил свой пост. После его ухода руководители оркестрового класса сменяли друг друга почти каждый год. Первым был Карл Карлович Зике (1851–1890), несколько лет работавший рядом с Давыдовым в качестве заведующего хоровым классом. Затем оркестром руководил Леопольд Семенович Ауэр (1845–1930), а сезон 1889/90 прошел под руководством Георгия Оттоновича Дютша (1860–1891), ученика Римского-Корсакова. С возвращением Рубинштейна концертная жизнь получила особый размах. Так, 19 декабря 1887 года в исполнении хора и оркестра консерватории при участии хора РМО состоялась петербургская премьера кантаты Танеева «Иоанн Дамаскин». В этом же году ученический оркестр впервые выступил в Зале Дворянского собрания. Очевидно, что рецензенты не преувеличивали, отмечая «замечательный ансамбль» воспитанного Давыдовым оркестра, играющего с «увлечением, не исключаям детальную отделку» [27]. Не случайно Рубинштейн в первый же год по возвращении в консерваторию счел коллектив достаточно подготовленным для большого концерта, в котором были исполнены Месса Бетховена C-dur и Симфония Шумана d-moll. Концерт прошел с большим успехом, при этом критики писали, что оркестр отличается «стройностью, оттенками и силой тона струнных» [2]. В следующем сезоне в Дворянском собрании Рубинштейн дал уже два концерта с оркестром учеников, причем второй — в пользу Фонда на сооружение здания консерватории.

Н. В. Галкин. Формирование капельмейстерского класса

Новый этап истории оркестра связан с музыкантом, который сам вышел из этого коллектива. Ученик Л. С. Ауэра, солист оркестра Мариинского театра, участник струнного квартета РМО, Николай Владимирович Галкин (1856–1906) руководил оркестром студентов с 1890 по 1906 год. В это время продолжала расширяться география выступлений ученического оркестра⁹. После трех сезонов в зале Дворянского собрания концерты учеников стали проводиться в Зале общих собраний городского Кредитного общества. В этом здании на Александринской площади (ныне — площадь Островского) с конца 1880-х проходили литературные чтения с участием Д. В. Григоровича и И. А. Бунина, устраивались концерты струнного квартета РМО, здесь же состоялся первый концерт Кружка любителей игры на балалайке под управлением В. В. Андреева. Ученические концерты проводились в Зале Кредитного общества до 1896 года,

⁸ Встречаются различные варианты имени композитора (Язеп Витол, Иосиф Витоль, Йозеф Витол).

⁹ Отчасти это было связано с отсутствием подходящего помещения в самой консерватории, которая с 1869 года располагалась в здании Медицинского департамента Министерства внутренних дел на Театральной улице (ныне — улица Зодчего Росси).

когда, наконец, для консерватории было перестроено здание Большого театра. Кроме того, оркестр принимал участие в отчетных «испытаниях» учеников в зале Мраморного дворца; тогда он должен был не только исполнять заранее подготовленную программу, но и читать с листа в присутствии августейших покровителей консерватории. По приглашению принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской оркестр принял участие в исполнении кантат Баха в зале Каменноостровского дворца, а 3 апреля 1899 года ученический оркестр выступил в Мариинском театре, на вечере памяти Пушкина, исполнив увертюру к «Руслану», «Сказку» Римского-Корсакова и Гopak из «Мазепы» Чайковского.

С оркестром учеников Н. В. Галкин проработал рекордный к тому времени срок — 16 лет. Правда, Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов с иронией относились к дирижерским способностям скрипача, называя его «горе-капельмейстером»¹⁰. Интересно наблюдение Глазунова, сравнивающего два студенческих коллектива этого времени. Услышав в Лондоне выступление ученического оркестра Royal College, он писал: «...Если в исполнении его не хватает полной выразительности..., то с ритмической стороны, точности и необыкновенной ясности, не оставляет желать лучшего. Видно, что оркестр находится в руках настоящего музыканта со слухом, каков их дирижер Стенфорд. Наш оркестр главным образом и отличается противоположными качествами: выразительности в нем, пожалуй что, больше, но самый звук его гораздо хуже, — ну, да он находится в ведении такого лица, которое не только со Стенфордом, но и вообще ни с кем не должно быть сравнимо»¹¹. В то же время композиторы последнего десятилетия XIX века многим обязаны Галкину, который активно пропагандировал современную русскую музыку на концертах Павловского вокзала. В 1901 году Арцыбушев, Витолс, Лядов, Римский-Корсаков, Соколов и Глазунов посвятили Галкину коллективный опус — Вариации на русскую тему¹².

Историческое значение деятельности Н. В. Галкина в консерватории очень велико. Как известно, дирижерский отдел был организован в 1925 году — тогда его председателем и единственным педагогом был Николай Андреевич Малько. Однако уже с 1877 года за пультом ученического оркестра нередко вставали ученики классов свободной композиции Н. А. Римского-Корсакова, Ю. И. Иогансена и Н. Ф. Соловьева, которые дирижировали как своими сочинениями, так и произведениями классического репертуара. Среди компози-

торов-дирижеров были и девушки: в 1887 году ученица Жилинская исполнила увертюру к «Эврианте» Вебера, а в 1894-м Кашперова¹³ продирижировала собственной увертюрой в Зале Кредитного собрания. Иногда студенты-композиторы проводили даже оперные спектакли¹⁴. Подобная практика приветствовалась общественностью: «Консерватория наша заслужит величайшую благодарность, если она обратит свое внимание на этот важный, жгучий у нас капельмейстерский вопрос. Потому что одного Направника не может хватить на все музыкальные потребности Петербурга, а все остальные наши дирижеры чисто случайные, на которых невозможно рассчитывать постоянно» [30].

Когда руководить оркестровым классом стал Н. В. Галкин, выступления дирижеров-учеников заметно участились. Наконец, в 1895 году впервые в программе оркестровых концертов начали фигурировать ученики *капельмейстерского класса* Галкина, а в 1898 году он уже официально стал заведовать первым в истории консерватории дирижерским классом. У него занимались композиторы В. П. Калафати, Н. Н. Аmani, скрипач и композитор И. Ю. Ахрон. Деятельность Н. В. Галкина стала началом новой традиции, когда руководитель оркестра одновременно возглавлял дирижерский класс. Таким образом, дирижерское отделение консерватории зарождалось в непосредственной связи с оркестровым классом.

Н. Н. Черепнин. «Младшие дирижеры»

В 1906 году во главе оркестрового и дирижерского классов встал Николай Николаевич Черепнин (1873–1945)¹⁵. С этого времени почти все концерты студенческого оркестра проходили под управлением учеников дирижерского класса, которых называли «младшими дирижерами». В заведовании Черепнина находились не только «младшие дирижеры», но и «младший оркестр», где играли ученики 10–14 лет¹⁶.

Если ученики Галкина все-таки оставались теоретиками и композиторами, то из класса Черепнина вышли профессиональные дирижеры, несмотря на то, что сам Черепнин, будучи замечательным композитором, по воспоминаниям студентов, был беспомощен в дирижировании, да и в глазах посетителей концертных залов Черепнин-исполнитель не являлся «определенной и определяемой величиной» [60]. Ученическим оркест-

¹⁰ Письмо Н. А. Римского-Корсакова А. К. Глазунову. 1 июля 1901 г. [6, с. 190].

¹¹ Письмо А. К. Глазунова Н. А. Римскому-Корсакову. 1 июля 1903 г. [7, с. 241].

¹² 6 вариаций на русскую тему. Партитура издана Беляевым в 1903 г.

¹³ Леокадия Александровна Кашперова (1872–1940) — пианистка, композитор и педагог, с декабря 1899 г. в течение двух лет давала уроки фортепиано юному И. Ф. Стравинскому.

¹⁴ Однако основным дирижером «оперных упражнений» долгие годы был С. И. Габель, певец и педагог, учитель И. В. Ершова.

¹⁵ Именно с работой Н. Н. Черепнина обычно связывается открытие дирижерского класса, имя Н. В. Галкина несправедливо остается в тени.

¹⁶ Младшие учебные группы входили в общий состав учеников консерватории и занимали четвертый этаж здания на Театральной площади вплоть до 1936 г., когда официально образованная Средняя специальная музыкальная школа консерватории получила бывшее здание Училища при Немецкой Реформаторской церкви в пер. Матвеева.

ром 1910-х дирижировали Анатолий Канкарович, который стал известным симфоническим и оперным дирижером; Владимир Дранишников, будущий дирижер ГАТОБа, под руководством которого состоялись российские премьеры «Воццека» и «Кавалера розы»; Александр Гаук, у которого, в свою очередь, учились такие выдающиеся дирижеры, как Е. Мравинский, Н. Рабинович, А. Мелик-Пашаев.

Юный Прокофьев, занимаясь в классе Черепнина, тоже дирижировал концертами оркестра, как правило, в паре со своим однокурсником Владимиром Цыбиным, флейтистом Мариинского театра, уже опытным музыкантом. Неудивительно, что оркестр лучше подчинялся Цыбину, и потому симпатии критики оказывались не на стороне Прокофьева: «исполнение Седьмой симфонии Бетховена оказалось шумным и неряшливым, несмотря на все старания г. Прокофьева... Только под управлением дирижера Цыбина оркестр оказался достаточно внимательным и послушным воле дирижера» [61].

В Петроградской консерватории (1914–1924)

Важным событием в жизни консерватории стал концерт 11 ноября 1915 года. Ученическим оркестром в этот вечер дирижировали три замечательных композитора: Черепнин исполнил отрывки из «Псковитянки» (среди солистов был Иван Ершов), Ляпунов — дописанную и оркестрованную им Сюиту Балакирева, а Глазунов — свою Третью симфонию. А.К. Глазунов любил дирижировать и всегда с охотой соглашался выступать с оркестром. Малько вспоминал его слова: «Ты можешь критиковать мои сочинения, но нельзя отрицать, что я хороший дирижер и замечательный директор консерватории» [26, с. 67].

Черепнин преподавал в Петроградской консерватории до 1918 года. По воспоминаниям А.В. Гаука, работа ученических оркестров в эти годы была очень интенсивной: «По средам и субботам — трехчасовые репетиции младшего оркестра, а по понедельникам и четвергам — старшего. [...] На всех репетициях всегда присутствовал Черепнин, а мы дирижировали оркестром под его руководством» [24, с. 208]. В ученических оркестрах играли настоящие виртуозы — валторнист Михаил Буяновский, скрипачи Яков Местечкин, братья Иосиф и Михаил Пиастро. Концертмейстерами скрипок и виолончелей в младшем оркестре были Вениамин Шер и Леонид Березовский.

В 1919 году в Петроград был направлен Эмиль Альбертович Купер (1877–1960), один из самых одаренных и деятельных музыкантов своего времени, чья дирижерская карьера была поистине фантастической. На новом месте Купер энергично принялся за дело и стал главным дирижером не только Мариинского (ГАТОБа), но и новой

Филармонии. Глазунов пригласил Купера в консерваторию, и в течение пяти лет (1919–1924) он руководил дирижерским и оркестровым классами. И.А. Мусин шутил: «В то время говорили: в Петрограде все музыкальные учреждения „закупорены“» [44, с. 23]. О первом концерте учеников дирижерского класса с ученическим оркестром написал в блестящем очерке о музыкальной жизни Петрограда 1923 года Борис Асафьев [16], особо отметив «отличного музыканта» Сергея Ельцина, который стал одним из организаторов Оперной студии. Занятия оркестра проходили в Малом зале, а когда было холодно — в 9-й аудитории. В первые годы после революции в консерватории еще существовала церковь, но вскоре ее помещение также стало местом для оркестровых репетиций и собраний консерваторского клуба, функционировавшего в 1919 году. Там инициативными учащимися был создан собственный самодеятельный симфонический оркестр для дирижерской практики. На одном из симфонических собраний клубного оркестра дирижировал молодой Шостакович [44, с. 15].

Н. А. Малько. Оркестр им. А. К. Глазунова

В 1924 году дирижерский и оркестровый классы перешли к Николаю Андреевичу Малько (1883–1961), ученику Черепнина. Инициатор создания и первый руководитель дирижерского отделения¹⁷, Малько предоставлял ученикам-дирижерам возможность выступать с оркестром студентов. Но с началом активной деятельности Оперной студии, где существовал собственный оркестр и проводилось до шести спектаклей в неделю, основная дирижерская практика получила оперный уклон.

Середина 1920-х оказалась славным временем в «оркестровой жизни» вуза. В 1926 году Н.А. Малько писал Н.Я. Мясковскому: «Много занят в консерватории... Частью дело хорошее — создали оркестры: кроме оркестра оперной студии, еще второй — концертный (отличный состав струнных и оркестр человек 80) и 3-й — классный. 2-м дирижировали Глазунов, Штидри... Если сумеют сохранить дисциплину (уверенности нет), будет хорошее дело» [26, с. 172].

После отъезда Купера занятия ученического оркестра на время прекратились, и тогда студенты, независимо от оркестрового класса, решили организовать концертный оркестр, который получил имя А.К. Глазунова. По воспоминаниям И.А. Мусина, это произошло «примерно в 1923–24-м годах», а роль «вожака» играл студент оркестрового факультета М. Ю. Школьников¹⁸ [44, с. 39]. Однако в печати сообщения об Оркестре им. Глазунова относятся к более позднему времени. В 1928 году «Красная газета» рапортовала: «При Ленинградской консерватории организован большой симфонический оркестр

¹⁷ У Малько учились И.А. Мусин, Е.А. Мравинский, А.Ш. Мелик-Пашаев, Н.С. Рабинович.

¹⁸ М. Ю. Школьников позднее получил дирижерское образование; в 1946 году организовал и возглавил симфонический оркестр Саратовской филармонии.

в составе 50 музыкантов высокой квалификации, ставший целью исключительно художественные задачи и выявление молодых дарований» [19].

Для первого концерта был приглашен Самуил Самосуд, главный дирижер Малого театра оперы и балета. На подготовку к исполнению «Шехеразады» Римского-Корсакова тогда потребовалось 23 репетиции. Как вспоминал Мусин, «такой „Шехеразады“ не слышали даже в филармонии» [44, с. 39]. Концерты проходили в Большом зале консерватории. После Самосуда концертные программы готовили Г.И. Шейдлер¹⁹, Л.П. Штейнберг²⁰, С.В. Ельцин²¹. Были исполнены сюита из «Жар-птицы», «Исламей» Балакирева в оркестровке Казеллы, «Ромео и Джульетта» Чайковского, «Садко» Римского-Корсакова, «Песни и пляски смерти» Мусоргского с И.В. Ершовым. Оркестром дирижировал и сам Глазунов. Концерт, программу которого составили «Торжественная увертюра» Глазунова (под управлением автора) и Вторая симфония Скрябина (дирижер — Малько), вызвал восторженные отзывы, особенно подчеркивались «прекрасная звучность и слаженность ансамбля» [65]. Однако оркестр им. Глазунова функционировал не намного дольше, чем «консерваторский оркестр» Азанчевского. Вероятно, одной из причин стал отъезд авторитетных музыкантов, вдохновивших студентов на эту инициативу²².

С. А. Самосуд. И. А. Мусин

В 1929 году руководителем дирижерского класса стал другой ученик Черепнина — Александр Васильевич Гаук, а оркестровый класс возглавил Самуил Абрамович Самосуд (1884–1964). «И на этот раз Самосуд работал соответственно своей манере [...], — писал И. А. Мусин. — Он репетировал в течение всего учебного года лишь одну Шестую симфонию Чайковского. Не было ни читок с листа, ни смены программ» [44, с. 40]. По-видимому, его скрупулезная манера дала хорошие результаты — даже спустя тридцать лет эти годы вспоминают как расцвет оркестрового класса, «ознаменованный рядом блестящих выступлений студенческого оркестра» [34]. Однако после семи лет работы в консерватории Самосуд был вызван в Москву, где возглавил Большой театр. В те же годы студенческим оркестром дирижировал молодой Илья Александрович Мусин (1903–1999), но и он вскоре на время уехал из Ленинграда, получив пост главного дирижера Белорусской филармонии.

В 1930-е годы, помимо студенческого, в консерватории был организован самодеятельный оркестр. Каж-

дый оркестрант-любитель был прикреплен к студенту старшего курса консерватории. Руководил оркестром дирижер Оперной студии Исая Моисеевич Альтерман (1910–1985). За первые пять лет существования оркестра дал более 15 симфонических концертов и принял участие в праздновании 75-летия консерватории. Работу оркестра прервал июнь 1941-го.

Мусин вернулся к работе в консерватории в Ташкенте, в первый год эвакуации. С его прибытием начались занятия оркестра, в котором наряду со студентами играли и профессора. Главным событием этих лет стало исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Сразу после куйбышевской премьеры, состоявшейся 5 марта 1942 года под управлением Самосуда, началась работа по подготовке ее исполнения в Ташкенте. И. Д. Гликман привез драгоценную партитуру из Куйбышева; в переписке партий приняли участие студенты всех факультетов. Как вспоминает Мусин, пришлось увеличить состав духовых, поскольку играть хотели все. 22 июня 1942 года состоялся знаменательный концерт оркестра из 126 музыкантов, среди которых были юные Вениамин Шер, Михаил Вайман, Владимир Овчарек. За годы эвакуации симфония повторялась несколько раз, кроме того, была исполнена Шестая Чайковского, Пятая Бетховена, произведения Римского-Корсакова, Глазунова, Штейнберга.

Н. С. Рабинович

После войны работа оркестрового класса возрождалась медленно — в первые годы дело затрудняло недостаточное количество духовых инструментов, элементарное отсутствие пультов²³. В начале 1950-х отдельными концертами дирижировали Мусин или его выпускник Георгий Анатольевич Донях (1914–1976). Наконец, в 1956 году бессменным руководителем студенческого оркестра стал доцент, а затем и заведующий кафедрой оперно-симфонического дирижирования Николай Семенович Рабинович (1908–1972). В 1961 году студент дирижерского факультета Юрий Симонов отмечает, как «под руководством Рабиновича оркестр от репетиции к репетиции повышает качество ансамбля, улучшает строй и приобретает ряд других полезных качеств» [36]. Подобно Давыдову, который в свое время заставил петербургскую общественность говорить об оркестре учеников, Рабинович сделал из студенческого оркестра один из лучших симфонических коллективов Ленинграда. Магнификат Баха, Реквием Моцарта, «Александр

¹⁹ Точные данные выяснить пока не удалось. Шейдлер Георгий (Георгий-Отокар) Иосифович (1874–1932) — скрипач и дирижер, либо (что вероятнее), его сын Георгий Георгиевич Шейдлер (1899–1932).

²⁰ Штейнберг Лев Петрович (1870–1945) — выпускник Петербургской консерватории, дирижерская деятельность которого разворачивалась в Москве.

²¹ Ельцин Сергей Витальевич (1897–1870) в то время работал концертмейстером в ГАТОБе.

²² В 1928 году как член жюри международного конкурса им. Шуберта отбыл в Вену ректор консерватории. Вскоре в качестве приглашенного дирижера-гастролера уехал за рубеж и профессор Малько. Свой последний концерт в России он дал в мае 1929-го.

²³ Годовой отчет консерватории за 1945/46. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 42.

Невский» Прокофьева, «Военный реквием» Бриттена — эти и многие другие произведения исполнил Рабинович с оркестром студентов. Одной из самых больших удач коллектива стало исполнение Третьей симфонии Малера в 1960 году, за которой последовала работа над Девятой Бетховена: «Незабываемым останется чудесное исполнение с Рабиновичем Третьей симфонии Малера, и вот теперь мы услышали глубокую и убедительную трактовку труднейшей из Бетховенских симфоний... Впереди предстоит еще работа над Четвертой симфонией Брукнера, произведениями Стравинского, Пёрселла, Равеля» [37]. Сейчас трудно поверить в то, что за сезон в Большом зале консерватории устраивалось три абонементных цикла симфонических концертов! Так, за одно полугодие — с января по май 1959 года — оркестр студентов дал пять полноценных симфонических концертов. Вот программа одного из них (3-й концерт 2-го абонемента, 24 марта 1959 года): Концерт № 23 Моцарта, «Дон Жуан» Штрауса, две песни из цикла «Семь песен последних лет» Малера, «Ноктюрны» Дебюсси²⁴. Со студенческим оркестром выступали Н. Е. Перельман, П. А. Серебряков, Б. Л. Гутников, М. И. Вайман.

Концертами оркестра Оперной студии дирижировали студенты и аспиранты, среди них — Неэме Ярви, Лео Корхин, Валентин Катаев. Одним из абонементных концертов был государственный экзамен с оркестром дирижерско-симфонического факультета. Рабиновичу удалось не только поднять уровень оркестрового класса на небывалую высоту, но и наладить практику студентов-симфонистов. С 1929 года, когда Самосуд впервые отказал предоставить ученический оркестр для занятий дирижеров, ссылаясь на то, что нужно учить студентов играть в оркестре, а не заниматься исполнительством, на протяжении нескольких десятилетий вопрос оркестровой практики был одним из самых болезненных для преподавателей и студентов дирижерского отделения. Лейтмотивом заседаний кафедр и газетных публикаций стала мысль о создании оркестра, концерты которого проходили бы под управлением студентов-дирижеров. В 1952 году для практической работы и подготовки дипломных программ начал функционировать оркестр Комитета радиосообщения, а в 1956 году в консерватории по инициативе Рабиновича был создан специальный оркестр для практики студентов-дирижеров, сформированный из участников различных ансамблей, выступавших в кинотеатрах. Сегодня в Малом зале им. А. К. Глазунова ежедневно проходят репетиции студентов с т. н. «верхним» оркестром, обязанным своим происхождением Рабиновичу.

Камерный оркестр

В 1970-е годы ученик Евгения Александровича Мравинского Юрий Юрьевич Алиев организовал Камерный ор-

кестр из студентов-оркестрантов II, III и IV курсов. Большим успехом для консерватории стало участие этого оркестра в Шестом международном фестивале 1977 года «Молодежь и музыка в Вене», где он был признан лучшим молодежным оркестром. Помимо консерватории, этот оркестр выступал в Большом и Малом залах филармонии, Ленконцерте, Капелле. В 1978 году на фирме «Мелодия» вышла аудиозапись венского концерта Камерного оркестра, где были исполнены Симфония № 88 Гайдна и Симфония № 3 Караева.

Как показывает история, организация постоянного концертного коллектива в консерваторских стенах возможна, однако неизбежным следствием становится его отдаление от консерватории. Уже более двадцати лет ведет концертную деятельность Оркестр Государственного Эрмитажа «Санкт-Петербург Камерата». А зарождался он в консерватории: в 1988 году по инициативе декана оркестрового факультета Г. П. Никитина был возобновлен камерный студенческий оркестр, по-видимому, прекративший свое существование в начале 1980-х. В 1989-м его возглавил приглашенный профессор Петербургской консерватории, литовский дирижер Саулюс Сондецкис. Оркестр неоднократно выступал в Германии и США, а в 1990-м был назван лучшим молодежным оркестром на международном фестивале в Испании. После окончания консерватории участники коллектива по предложению Б. Б. Пиотровского в полном составе перешли в ведение Государственного Эрмитажа. В 1999 году в консерватории появился новый Концертный камерный оркестр Санкт-Петербургской консерватории, руководителем которого до 2011 года был Михаил Зальманович Эстрин (1947–2011). Коллектив гастролирует в Финляндии, Польше, Франции, Испании и Германии. Но главное — Камерный оркестр регулярно появляется на афишах родного Малого зала им. А. К. Глазунова, что было особенно заметно в годы ректорства Сергея Стадлера, который постоянно выступал с программами барочной и камерной музыки и как солист, и как дирижер: профессионализм консерваторского коллектива давал широкий простор для бурной творческой деятельности ректора. Сейчас коллектив возглавляет Аркадий Матвеевич Штейнлухт.

Оркестр студентов Санкт-Петербургской консерватории

Как ни парадоксально, но чем ближе к современности описываемые события, тем сложнее в них разобраться, и тем более — их оценить. Последние сведения об оркестровом классе Ленинградской консерватории относятся к 1980-м годам, когда его возглавил Роберт Эрнестович Лютер. За небольшой срок руководителю удалось подготовить шесть масштабных программ. Коллектив стал выступать с тематическими концертами,

²⁴ Программа абонементных симфонических концертов 1958/59 уч. года. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 1752.

участвовать в телепередачах. Конец 1980-х ознаменовался для студенческого оркестра гастрольной поездкой по городам Латвии, где были исполнены увертюра к «Руслану», Девятая симфония Шостаковича, Сюита из «Жар-птицы» Стравинского и «Вариации на тему рококо» Чайковского. Солистом выступил Сергей Ролдугин, а дирижировал концертами Равиль Энверович Мартынов (1946–2004). В 1990-е нить истории оркестрового класса прерывается.

Симфонический оркестр студентов был воссоздан только в 2004 году, а два года спустя коллективу было присвоено имя А. Г. Рубинштейна. В эти годы за пультом студенческого оркестра вставали Марис Янсонс, Юрий Темирканов, Василий Синайский, Александр Титов, Александр Сладковский, Сергей Стадлер, Александр Полищук, Дмитрий Ралко.

Одним из ярчайших событий в творческой истории коллектива стал концерт-открытие VI фестиваля «Международная неделя консерваторий» 12 октября 2007 года, когда в Малом зале им. А. К. Глазунова прозвучала Торжественная увертюра Глазунова и Фортепианный концерт Б. И. Тищенко (солист — Николай Мажара), которыми продирижировал Александр Сладковский. Тогда же состоялось блестящее исполнение Сюиты из балета «Ромео и Джульетта» Прокофьева под управлением Мариса Янсонса. В 2012 году такими событиями, безусловно, стали исполнения произведений

Шостаковича на концерте-открытии XII фестиваля «Международная неделя консерваторий» 2 ноября, в котором Василий Синайский исполнил Симфонию № 6, и на юбилейном концерте консерватории 19 сентября, где под управлением Юрия Темирканова прозвучала «Праздничная увертюра».

С 2010 года Симфоническим оркестром студентов руководит недавний выпускник консерватории Михаил Голиков. Молодой дирижер уже подготовил со студенческим коллективом несколько программ для концертов в Малом зале им. А. К. Глазунова и в Большом зале филармонии, среди исполненных произведений — «Испанское каприччио» Римского-Корсакова и Вторая симфония Рахманинова. В декабре 2012 года состоялась гастрольная поездка студенческого оркестра во Францию: в Национальной консерватории Ниццы и в штаб-квартире Юнеско в Париже под управлением Голикова прозвучали «Шехеразада» Римского-Корсакова и Концерт для скрипки Чайковского, в котором солистом выступил ректор консерватории Михаил Гантварг.

Полуторавековая летопись оркестра консерватории поистине необъятна, потому что включает бесконечную череду человеческих характеров: оркестранты, солисты, дирижеры, критики — из их судеб складывается жизнь оркестра. И потому глубокое погружение в историю может открыть еще немало интересных событий и важных имен.

Литература

1. Алексеев-Борецкий А. А. Николай Иванович Заремба. СПб.: Береста, 2011. 252 с.
2. Баян. 1888. № 10. Март.
3. Воскресный листок музыки и объявлений. 1878. № 4. 17 декабря.
4. Воскресный листок музыки и объявлений. 1879. № 52. 25 ноября.
5. Воскресный листок музыки и объявлений. 1879. № 56. 23 декабря.
6. Глазунов А. К. Исследования, материалы, публикации, письма: В 2-х тт. / ЛГИТМИК. Л.: Музгиз, 1960. Т. 2. 570 с. (Муз. наследие).
7. Глазунов А. К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное / Сост. М. А. Ганина. М.: Музгиз, 1958. 550 с.
8. Голос. 1871. № 358. 29 декабря.
9. Голос. 1880. № 316. 15 ноября.
10. Голос. 1881. № 24. 24 января.
11. Голос. 1881. № 35. 4 февраля.
12. Гражданин. 1988. № 90. 30 декабря.
13. Гражданин. 1988. № 76. 16 марта.
14. Журнал заседаний Малого совета Петроградской консерватории с 26 декабря 1917 по 20 апреля 1922. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1.
15. Журнал заседания Малого совета Петроградской консерватории 17 декабря 1921. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1.
16. К новым берегам. 1923. № 3.
17. Концерты Малого зала им. Глазунова с 7 октября 1953 по 28 января 1955. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 1211.
18. Красная газета. 1924. № 92. 22 апреля.
19. Красная газета. 1928. № 89. 31 марта.
20. Красная газета. 1937. № 169. 25 июня.
21. Купер Э. А. Статьи, воспоминания, материалы. М.: Сов. композитор, 1988. 323 с.
22. Ларош Г. А. К. Ю. Давыдов. Некролог // Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Л.: Музыка, 1978. Вып. 5. С. 136–140.
23. Ларош Г. А. Из моих воспоминаний. Чайковский в консерватории // Ларош Г. А. Избранные статьи: В 5 вып. Л.: Музыка, 1975. Вып. 2. С. 277–299.
24. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л.: Музгиз, 1962. 416 с.
25. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Сб. в 2 кн. 2 е изд. / Ред. Г. Г. Тигранов и др. Л.: Музыка, 1987. Кн. 1. 253 с.; 1988. Кн. 2. 273 с.
26. Малько Н. А. Воспоминания. Статьи. Письма. Л.: Музыка, 1972. 383 с.
27. Музыкальное обозрение. 1886. № 8. 13 ноября.

28. Музыкальное обозрение. 1887. № 17. 15 января.
29. Музыкальное обозрение. 1887. № 19. 29 января.
30. Музыкальное обозрение. 1888. № 10. 27 ноября.
31. Музыкальное обозрение. 1888. № 12. 11 декабря.
32. Музыкальное обозрение. 1888. № 14. 24 декабря.
33. Музыкальные кадры. 1953. № 1. 22 января.
34. Музыкальные кадры. 1958. № 8. 7 июля.
35. Музыкальные кадры. 1959. № 4. 14 апреля.
36. Музыкальные кадры. 1961. № 1. 17 января.
37. Музыкальные кадры. 1961. № 17. 24 ноября.
38. Музыкальные кадры. 1966. № 8. 27 апреля.
39. Музыкальные кадры. 1970. № 2. 26 января.
40. Музыкальные кадры. 1877. № 10. 26 сентября.
41. Музыкальные кадры. 1984. № 10. 24 сентября.
42. Музыкальный листок. 1877. № 9. 16 января.
43. Музыкальный мир. 1883. № 6. 5 февраля.
44. *Мусин И. А.* Уроки жизни. СПб.: ДЕАН-АДИА-М; Пушкин. фонд, 1995. 230 с.
45. *Мусоргский М. П.* Литературное наследие. М.: Музыка, 1971. Кн. 1. 400 с.
46. Новое время. 1877. № 326. 24 января.
47. Новое время. 1915. № 14005. 8 (21) марта.
48. Нувеллист. 1879. № 1.
49. Отчет Санкт-Петербургского отделения Русского музыкального общества и консерватории за 1864/65 год. СПб., 1867.
50. Отчет Императорского Русского музыкального общества за 1876/77 год. СПб., 1878.
51. Отчеты РМО и консерватории за 1862–1915-е годы.
52. Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами / Предисл. и примеч. С. А. Дианина. М.; Л.: Музгиз, 1927. Вып. 1: 1857–1871. 420 с.
53. Программа концертов Малого зала им. Глазунова с 13 октября 1951 по 1 июля 1953 г. ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 924.
54. *Пузыревский А. И., Саккетти Л. А.* Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. 2-е изд., испр. и доп. Петроград: Русско-Французская типография, 1914. 198 с.
55. Речь. 1913. № 70. 13 марта.
56. *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. М.: Музыка, 1982. 440 с.
57. Русская музыкальная газета. 1899. № 44. 31 октября.
58. Русская музыкальная газета. 1900. № 10. 5 марта.
59. Русская музыкальная газета. 1900. № 11. 12 марта.
60. Русская музыкальная газета. 1907. № 49. 9 декабря.
61. Русская музыкальная газета. 1913. № 47. 24 ноября.
62. Русская музыкальная газета. 1915. № 47–48. 22–29 ноября.
63. Русский музыкальный вестник. 1880. № 29. 22 ноября.
64. Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 103. 3 (15) ноября.
65. Смена. 1928. № 108. 11 мая.
66. Советское искусство. 1952. № 12. февраль.
67. 100 лет Ленинградской консерватории. Исторический очерк. Л.: Музгиз, 1962. 303 с.
68. Устав консерватории Императорского Русского музыкального общества. СПб.: Тип. С. П. Кинда, 1911. 29 с.
69. *Финдейзен Н. Ф.* Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества (1859–1909). СПб.: Тип. Главного управлений уделов, 1909. 119 с.
70. Хроника журнала «Музыкальный современник». 1915. № 8.